

Иннокентий Анненский

Царь Иксион

Иннокентий Анненский

Царь Иксион

«Public Domain»

1902

Анненский И. Ф.

Царь Иксион / И. Ф. Анненский — «Public Domain», 1902

«Миф об Иксионе, как рассказ, не восходит особенно далеко в древность: это был первоначально местный фессалийский миф, и он отлился в определенную форму позже Гомера и даже Гесиода. Сравнительно позднее происхождение мифа явствует хотя бы из того обстоятельства, что между вариантами его нет почти никаких противоречий. Для древнего мифа Иксион был одним из прототипов нечестия и вероломства, тем не менее благодаря необычности и особой дерзости его преступлений, все три великих греческих трагика V века сделали его предметом своих трагедий, и Аристотель (Poet, с 18) говорит о патетичности самого сюжета. Фантазия древнего грека помимо моральной стороны мифа, несомненно, поражалась и представлением о необычной пытке Иксиона. На одной Куманской расписной вазе, находящейся в Берлине, распяленный Иксион привязан змеями к спицам огненного колеса, которое представлено колеблющимся в воздухе (это символизируется двумя крылатыми женскими фигурами, его поддерживающими). Около колеса изображен с одной стороны Гермес в островерхом шлеме, с другой – Гефест с клещами, а снизу Эринния с горящим факелом...»

Содержание

Вместо предисловия	5
Действующие лица	8
Действие первое	9
Явление первое	9
Явление второе	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Иннокентий Федорович Анненский

Царь Иксион

Трагедия в 5 действиях с музыкальными антрактами

Вместо предисловия

«Сын Флегии Иксион (царь Гиртона, в Фессалии), женившись на дочери (царя) Деионея Дне, обещал, что отдаст за нее (отцу) богатые дары; но когда Деионей прибыл к нему за этими дарами, то Иксион приказал сделать яму и, затаив там огонь, заложил ее тонкими досками и пеплом. Деионей упал в яму и погиб, а на Иксиона в наказание напала Лисса (богиня безумия), и никто не хотел очистить его ни из богов, ни из людей, потому что он первый убил человека своей филой. Иксиона пожалел Зевс и очистил его, но Иксион влюбился в Геру. Тогда Зевс сделал для ложа Иксиона облачное подобие Геры, а позже, устроив „колесо о четырех спицах“, привязал к нему Иксиона, и тем покарал». Вот как рассказывается в одной из схолий к «Аргонавтам» Аполлония Родосского (ум. 186 г. до Р. Х.)¹ миф об Иксионе, послуживший автору помещаемой ниже пьесы сюжетом для его «драматической сказки».

Миф об Иксионе, как рассказ, не восходит особенно далеко в древность: это был первоначально местный фессалийский миф, и он отлился в определенную форму позже Гомера и даже Гесиода. Сравнительно позднее происхождение мифа явствует хотя бы из того обстоятельства, что между вариантами его нет почти никаких противоречий. Для древнего мифа Иксион был одним из прототипов нечестия и вероломства, тем не менее благодаря необычности и особой дерзости его преступлений, все три великих греческих трагика V века сделали его предметом своих трагедий, и Аристотель (Poet, c 18) говорит о патетичности самого сюжета. Фантазия древнего грека помимо моральной стороны мифа, несомненно, поражалась и представлением о необычной пытке Иксиона. На одной Куманской расписной вазе, находящейся в Берлине (N 3023; cf. W. H. Roscher, Ausf. Lex. s. v. Ixion; Baumeister Denkmaler d. Id. Alt. s. v.), распяленный Иксион привязан змеями к спицам огненного колеса, которое представлено колеблющимся в воздухе (это символизируется двумя крылатыми женскими фигурами, его поддерживающими). Около колеса изображен с одной стороны Гермес в островерхом шлеме, с другой – Гефест с клещами, а снизу Эринния с горящим факелом.

Материала для драматической сказки, которая печатается ниже, не могли дать скудные остатки античных трагедий на сюжет об Иксионе. От произведений Эсхила и Софокла не осталось ничего (может быть, одно слово от Софокла), а от драмы Еврипида 5 ⁵/₆ – 9 ⁵/₆ строк. Я даю перевод этих остатков по тексту Наука (Trag. gr. fragm. Lipsiae, 18892, pp. 838, 490):

1. О сын Шлегии, деспот Иксион —
2. Тот муж, что был рожден сограждан выше
(Неправеден и волей и умом),
Теперь друзьям и городу – чума.
3. Ты высшее, что смертные свершили,
Старайся превзойти, – ни власть царей,
Ни пышный дом без муки не даются.

¹ Arg. 3, 62, Schol. cf. W. H. Roscher, Ausf. Lexic. d. gr. u. rom. Mythol., s. v. Ixion. Расшифровку сокращенных условных обозначений (авторских) вместе с переводом цитат и необходимыми пояснениями к ним – см. в примечаниях.

1. Приобрети хвалу за справедливость
И делай все, что прибыльно потом.
2. То враг, но чту я больше справедливость.

Об «Иксионе» Эсхила Диндорф предполагает, что в нем изображалась лишь первая вина Иксиона, т. е. вероломное убийство тестя, и трагедия заканчивалась тем, что Зевс очищал его (Dind. ad fragm. inc. 329), К. О. Мюллер предположил у Эсхила целую трилогию Иксиона (Getting. Anzeig., 1827 670; Eumen. s. 138 cf. F. G. Welcker Die gr. Tr. 1839; 1,52).

Еврипидовский «Иксион» обрисовывался предположительно Велькером (а. а. о. 1839; I, 749 ff.) и Гартунгом (Eur. restit. 1843; II, 370 sqq.).

Согласно их догадкам, Еврипид выводил Иксиона дерзким софистом, который в корне оспаривал идеи долга и добродетели. Кроме того, Гартунг сделал попытку обрисовать и самый ход действия, потратив на это, без особых результатов, и в этом случае, как во многих других, немало рвения, остроумия и любви к Еврипиду.

Были черты в мифе Иксиона или его античных обработках, которыми автор настоящей трагедии не воспользовался. Так, в одной из схолий к «Финикиянкам» (ad v. 1185) говорится, будто Зевс приказал бичевать Иксиона, привязанного к колесу, причем самому Иксиону было приказано повторять: «Надо почитать благодетелей». Кроме того, по одному из вариантов мифа, от облачного подобия Геры и Иксиона родились кентавры, «надменный род, чуждый харитам», и, вероятно, в прологе или исходе одной из античных трагедий об этом упоминалось.

Автору драматической сказки пришлось быть отчасти мифургом. Например, он ввел в действие лицо, которое едва ли являлось в античной трагедии, Апату, богиню обмана, дочь Ночи и сестру Лиссы. Что касается Лиссы, то она являлась и у Эсхила, и в «Геракле» Еврипида. Мимоходом автор внес еще вариант мифа об Оресте. Рафинирование пытки Иксиона сделано в этой драматической сказке во вкусе Сенеки (Aprocol. p. 361) и Вергилия (Georg. 4, 484), а Эрот, как сын Ириды и Зефира, встречается у лириков (Ale. Bergk. fr. 1313. 4. Aufl.).

Автор старался как можно меньше подражать античной трагедии и потому старательно освобождал свою пьесу от мифологических прикрас в хорах. Он хотел как можно более слить хор с действием и антракты с актами, но все-таки ему пришлось коснуться двух мифов, не имеющих прямого отношения к легендам об Иксионе: во-первых, мифа о Тантале, сыне Зевса, который был наказан за то, что, допущенный к трапезе богов, не сдержал потом своего дерзкого языка (Cf. Eur. Or. 9 sq); во-вторых, так называемого «священного брака»: так называется брак между Кронидом и Герой. Мы знаем из «Илиады» (XIV, 294–296, 346 sqq) об этом браке на Иде, где Гера, при помощи пояса Афродиты, возбудила в Зевсе горячие желания, причем на ложе богов выросли гиацинты, шафран и лотос, и золотистая туча покрыла Зевса и Геру во время брака. Но в «Илиаде» мы находим лишь сравнительно поздний отзвук древнего гимна, который воспевал первое обьятие детей Кроноса на западных пределах мира, в саду гесперид.

Автор сказки о царе Иксионе уже изложил в предисловии к своей «Меланиппе» причины, которые заставили его воспользоваться античными схемами, несмотря на модернизацию в психологической разработке мифа. Ему остается указать здесь на единство действия, к соблюдению которого он всемерно стремился. Антракт не должен, по его мнению, нарушать впечатления от развивающейся перед зрителем драмы: не загромождая действия и отличаясь от него своим лиризмом, он все же должен идти в тон с ямбической частью пьесы, с диалогом. С другой стороны, желая сохранить единство действия, как драматического сюжета, автор взял за начало своей пьесы заключение первого несчастья и первого дерзания Иксиона: таким образом драма избежала двоения и двух центров, что мы находим в некоторых из античных драм (например, «Орест»).

В заключение не лишним будет упомянуть, что миф об Иксионе в отличие от мифа Ореста или Промефея всецело принадлежал античному миру. По крайней мере, автору настоящей

трагедии не удалось найти в новых литературах обработки мифа о «сверхчеловеке» эллинского мира.

Действующие лица

В порядке появления их на сцену

Лисса, богиня безумия, дочь Ночи.

Иксион, царь фессалийский.

Хор горных нимф, ореад.

Корифей, старшая из нимф.

Сон, сын Ночи.

Гермес, сын Майи, посланник богов.

Ирида, посланница богов, жена Зефира и мать Эрота.

Гера, жена и сестра Зевса.

Апата, богиня обмана, сестра Лиссы.

Гефест, божественный кузнец.

Свита Геры.

Действие происходит на склонах Олимпа.

Театр представляет дикую горную местность. Близок рассвет. На скалистой постели между старых елей спит Иксион. Он еще очень молод, но выглядит почти стариком, бледный, небритый, больной, оборванный. Сон его тревожен, со стонами, бредом. Около него и близ потухшего костра сидит Лисса; она – худощава, зеленоватое лицо ее некрасиво, а длинные черные жгуты волос напоминают змей, особенно при нервных и быстрых ее движениях. Она сидит близко к Иксиону, охватив руками колени. Из-под лилового пеплоса выставляются огромные, костлявые, но сильные ноги. Руки у нее белые, небольшие и цепкие, с длинными острыми ногтями и изумрудами в кольцах. Сквозь брезжащий рассвет вдали, еще гораздо выше, среди слабо розовеющих облаков, еле вырисовывается силуэт Зевсова дворца.

Действие первое

Явление первое

Лисса и спящий Иксион.

Лисса

(встает, но не сводит глаз с Иксиона)

Как нежная подруга до рассвета
Покинет ложе ласки, и волос
Душистые поднимет в узел волны,
И розы щек водою освежит,
А тихий сон еще покоит мужа,
Так спутника печального мне жаль
Тревожить сон безумный, хоть не ласки
Связали нас, а муки, и моих
Он жарких рук во сне искать не будет
Богиня я, увы! бессмертных дочь,
Но я ни в ком желаний не будила;
Иную власть божественная Ночь,
Меня рождая в муках, мне судила.
Нет, никогда Эроту не зажечь
Безумнее страстей... Огню Киприды
Не извести, испепеляя, сердца
С такою адской силой, как моих
Зеленых глаз печальному огню
И уст моих холодному дыханью.
И никогда ни за одной женой,
Носи она хоть пояс Афродиты,
Ей отданный богами человек
С такой собачьей верностью не бегал.

(Опять садится около Иксиона.)

Сегодня год, как мой он... Но узнать
Кто мог бы Иксиона? Ключья пены
На бороде... На впалые виски
Уж серебро пробилось. Он в лохмотьях,
Он изможден... А год... ведь только год,
Как мы спознались... Помню, царь так молод,
Так дерзок был... Над сумрачным дворцом
Уж облако пожара розовело,
А за оградой уст у гордеца
Светилось столько жизни, столько счастья,
И золота на пурпуре плаща
Душистого горело.

Первые лучи солнца.

Иксион

(в бреду)

Гей... Лови их...
Пересчитай... они сгорят... сгорят...
Их было двадцать семь,
Их было двадцать семь,
Их было двадцать семь!

Лисса

Про кобылиц своих огнистокрылых
Забредил царь. Или сквозь тяжкий сон
Его златые солнца иглы колют?

(Набрасывает на Иксиона темный платок.)

Пусть ночь его покоит... Спи, дитя!

(Встает и делает несколько шагов по сцене, осматривая окрестности, которые значительно прояснились.)

Но где же мы? Безвестный и суровый
Утесами нас обступает край.
Проснулись и шумят по скалам ели...
Вот облако, уж розовое, дремлет
И улетать еще не хочет... Там
Дворец вдали на выси недоступной
Чернеет... Золотою нитью солнца
Обведены колонны...

Прислушивается, издали несутся мелодические звуки и свежие голоса.

Аромат
Послышался... Откуда он?.. Я луга
Не вижу здесь... Не лилии... Нежней...
Как сладкое дыхание, несется
Незримый хор. Богини... Это вы.
Таких цветов сады людей не знают,
Ни птицы так, ни девы не поют.

Явление второе

Снизу показываются ореады. Они в золотистых и белых туниках и розовых или оранжевых напусках, напоминая горы на восходе и на закате. У блондинок жемчужные гребни на косах, у брюнеток-золотые. У иных кувшины, заткнутые букетами. Цветы на поясах, цветы в виде ожерелий, цветы в руках и на волосах. У некоторых арфы.

Вступительная песня хора

Хор

Строфа 1

Когда звезд огневые
Станут лики белее,
А лучи заревые
Все алей и алее,
Еле-еле златимы,
Мы постели покинем.
И к озерам летим мы
Серебристым и синим.

Антистрофа 1

Там со смехом наяды
Нам наполнят кувшины,
И в цветах, ореады,
Мы летим на вершины,
Где в пурпуровом дыме
Пробуждаются ели
И совсем золотыми
Стали наши постели.

Строфа 2

Молоденькая нимфа

(в белом с оранжевым поясом)

Небо нежной пеленою
Уж синеть над нами стало,
Я не знаю, что со мною:
Я больна или устала.
Зной и холод спорят в теле,

Как тростинка, гнутся ноги,
И на сердце налетели
Непонятные тревоги.
Путь такой далекий, трудный,
Сил моих, боюсь, не станет, —
Зеленея, изумрудный
Мох меня на ложе манит.

Антистрофа 2

(в сопровождении мимической сцены)

Хор

Над твоим зеленым ложем
Белой сядем мы гурьбою
И цветы перед тобою
Мы гирляндами разложим,
Чтоб темней казались розы
От лилеи белоснежной
И теплей от туберозы
Аромат левкоя нежный.

Большая черноволосая нимфа

(с пунцовыми розами и золотым гребнем в волосах)

Скоро солнце разгорится,
Воздух полон томной лени...
Ляг, родная, ляг, сестрица,
Головой мне на колени.

Хор располагается неподалеку от группы странников, хотя еще не замечая ее. Белую нимфу окружают. Тихо воркуя, орады принимают разбирать цветы, плести венки, вязать снопы, убирать кувшины.

Корифей

(вставая)

Тише... о нимфы... о сестры,
Мы не одни здесь.
Там, меж деревьев, мелькает
Пеплос лиловый... О ужас...

Лисса выходит к нимфам.

Мертвая кожа... И змеи...
Черные змеи... не косы...
Кто ты?... О, кто ты?... Скажи нам.
Женщина ты или призрак,

Здесь на земле
Бледною ночью забытый?

Лисса

Я Ночью рождена... Ты угадала,
Красавица... Но я не призрак... Нет.
Не женщина я тоже, потому что
Амвросией меня поила мать...
Иль на своих вершинах золотых
О Лиссе вы, о нимфы, не слышали?

Корифей

Не повторяй... Печален этот звук
И для ушей божественных ужасен.

Лисса

Ужасен он, конечно, но, увы!
Услуг моих уста такие просят,
Которым нет отказа. И тогда
Блаженным я сердцам мила бываю.
Я знаю, ты жалеешь раздавить
И червяка, красавица... Но если б
Избранник твой с улыбкой поглядел
На женщину, то ласковое слово
Для Лиссы бы ты, нежная, нашла.

Корифей

О будущем я не гадаю, дева.
Чар, может быть, нам хватит и своих.
Но расскажи мне, правда ли, что дивный
Кронида сын великого, герой,
Которому не страшен был и Таргар,
Твои оковы тяжкие носил?²

Лисса

Он танцевал под музыку мою,
И танца вам такого не увидеть.
Детей своих безумец погубил,
Мегарой мне пожертвовал, беснуясь.

(Усмехаясь.)

² Геракл.

Сказать, что Лиссы не любил никто.

Корифей

Ты мучила Ореста?.. При дворе
Кронидовом мы слышали. И сердце
Горит узнать, то правда ли...

Лисса

Орест?
О, это был совсем еще ребенок.
Он нежен был, как ты, и, чтобы мать
Зарезать он решился, я кровавый
Три ночи над его держала ложем
Платок, – во сне убийца созревал.
Мои потом его гоняли сестры
И о землю кидали, и от них,
Как раненый олень, бежал он долго...
Но у меня и здесь товарищ есть;
Я покажу его, пожалуй, нимфам.

(Подходит и становится над Иксионом.)

Царь Иксион под этой черной тканью;
Он был богат, и молод, и могуч.
Теперь – он мой, и в этом слове все:
Любуйтесь на мою работу, детки.

(Сдергивает платок, в Иксиона ударяет солнечный луч.)

У нимф вырывается крик удивления, смешанного с ужасом. Иксион вздрагивает и открывает глаза. Потом привстает, садится. Волосы его полны игл и пыли, лицо исцарапано, ноги избиты. Лохмотья его и вся фигура кажутся еще ужаснее от соседства блистательных нимф и от яркого солнечного света. Глаза воспаленные, взгляд мутный – у него вид пьяного.

Иксион

О, дайте пить... О, дайте пить... Горит
У Иксиона в сердце камень черный.

(Увидев кувшины и нимф.)

О светлые богини! Или девы...
Коль есть у вас отцы и братья, мне
Вы ради них уста водой смочите...

Одна из нимф робко подходит к Иксиону и дает ему напиться.

Иксион

(напившись)

Будь счастлива, дитя... Богов, увы!
На светлое чело твое не смею
Я призывать, малютка, – я нечист.

Корифей

Ты призывать богов не смеешь, странник?
Что ж сделал ты? Не бойся ореад.

Иксион

(увидев Лиссу, которая делает пассы)

О, подожди мучительным круженьем
Сводить меня и, как на колесе,
Вытягивать и бить о землю, пеной
Кровавою уста мне наполняя...
Помедли... Нет? Не хочешь? Может быть,
Не можешь ты? Проклятие! О, сжальтесь!
Молитесь вы, о нимфы, за меня,
Назвать его не смею... там... в эфире...
Пусть усыпит ее... Пусть усыпит...

Хор делится между тремя группами.

А

Мой моляще-призывный
Голос нежно тебе поет:
О крылатый! О дивный!
Тихо с синих спустись высот.

Б

Алым маком венчанный
Из лазурных кошниц,
Ночи сын богоданный,
Ты, как мать, бледнолиц,
Бог, отградно-обманный.

В

Ты безумной рабыне цариц,
Бог отраднo-обманный,
На чернеющий завес ресниц
Опусти золотые туманы.

Общий хор

(в сопровождении хороводного танца и мимики)

Если ж, солнцем опьяненный,
Ты мольбам моим не внемлешь
И, на облако склоненный
Сам на розовое, дремлешь,
Вкруг безумной, сестры, сами,
Как зарницы, замелькаем,
Всю душистыми цветами
Мы завеем, закидаем.
Кто косою золотою
Чуть заденет деву Ночи,
Кто кисейною фатою
Залепит безумной очи.
Чтоб застыли в косах змеи,
Чтоб смежились веки Лиссы,
Станут снегом ипомеи,
Вихрем белые нарциссы...
Ты же, если жарким часом
На мольбы покинешь ложе,
Приходи на помощь, боже,
Нашим танцам, нашим пассам...
То кругами, то рядами
Мы взовьемся, замелькаем,
Всю душистыми цветами,
Всю цветами закидаем.

Мимическая сцена и танец хоровода нимф с цветами и вуалями вокруг Лиссы продолжаются. Обессиленная и улыбающаяся, Лисса склоняется на землю. В это время легкими скользящими шагами в хоровод, разнимая его, входит Сон. На нем белый хитон и короткая дымчатая перекидка. За плечами большие крылья – одно белое, другое черное; на легком серебряном шлеме, который надвинут на лоб, такие же крылья, только маленькие и в обратном порядке. У бога бледное овально-матовое лицо и опущенные глаза с длинными и темными стрелчатыми ресницами. Он совсем еще молодой, безбородый. В правой руке у него рог с маковыми зернами. Войдя в толпу без торопливости, он кропит Лиссу зернами; некоторые из них попадают в одну из нимф, и она в дремоте склоняется на плечо к подруге. Другие нимфы тихо берут ее и укладывают на землю, устраивая ей ложе из цветов и моха. Лисса, сидя, качается, но еще борется со сном. Тогда Сон со словами «Здравствуй, сестра!» подходит к Лиссе и целует ее в щеку. Лисса падает как подкошенная и тотчас засыпает. Нимфы расходятся розовые,

возбужденные танцем. Одни пьют, припав к кувшинам или поднимая их, другие, закидывая белые руки за голову; третьи обмахиваются кисеей или большими листьями папоротника. Некоторые поправляют волосы. Сон, ни на кого не глядя и даже не поднимая головы, легкими, как бы рассеянными шагами покидает сцену, проходя через нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.